

А р к а д и й

Д Р А Г О М О Щ Е Н К О

Произведение нужно рассматривать
как одну из возможностей
как одну из неисчислимого ряда
возможностей
осуществления бытия,
Или как возможность прикосновения
к яви,
или возможность произрастания вещи
из одного лишь желания видеть ее.
Итак, произведение, будь оно чем угодно,
является одной из возможностей
постижения
создающей нас с таким же вниманием
и осторожностью, как зеленый
побег из гниения,
и ночной крик совы,
и кружение звезды, что вырвалось из
пространства и времени.
и ее падение в сентябрьские равнины,
и уста, что касаются деревянной руки
прилежно расписанной лунами,
восходами солнца
и язвами
... возможность нашей любви
рождает только возможность памяти
и забвения.

Когда я родился
лил дождь и не кричали птицы.

Женщина, помогавшая моей матери,
сказала, что я стану бродягой, и
мать в слезах отвернулась к стене.

В доме побелка,
побелили и комнату,
где я теперь живу.

Я забыл об обоях.
И обо всем я забыл.
Белые стены,
да стул в углу.

Что мне делать? ?
Я руки положил на подоконник,
валится мокрый снег,
Одинокий взъерошенный голубь
смотрит в комнату.

*Вопрос — от себя
самому себе.
Рассказ самому себе.*

Тихая россыпь шагов
на пелене ожидания
холст покрыт пятнами
Неразрывно с холстом связано
неокрепшее дерево
Девушка с гордой спиной
ложится в постель
руки она держит ладонями книзу
притрагивается к бедрам своим
не памятуя о них
Вечер на веках ее
Она засыпает
приотворяются двери

По следам Г.Алексеева

- Отсеките мне голову, -

как-то вечером сказал он,
лежа на полу у стены.

Птицы выклевали зернышки

из его волос.

- Отсеките мне голову!

- Почему? - удивились мы, - Ты
хочешь быть похожим на Иоанна?

- Отсеките мне голову, не медлите
ни минуты, - сказал он, - Потому что
нет в ней мне надобности.

Наконец все это услышали боги,

и стали хохотать во все горло,

и от смеха колотить голыми пятками
о горячую крышу.

После чего принялись обезглавливать
друг друга.

Божественная грация наполнила

их движения,

И в поздний час,

к нам, обескураженным просьбой

приятеля

И весельем богов,
стали закатываться головы,
в которых даже у бессмертных
не было надобности.

Ночь.

На привязи лампа бьется с остервенением.
Окружают меня создания, с которых

я думал, что данным давно истаяли
в будущем образы их "

в окно влетает лошадь

с бирюзовыми крыльями,

в трубах водопроводных слышится рокот
голосов приглушенных ...

Лапинский, брат мой, с какой тоской

вглядываюсь я в очертания подвижные
сучьев на стенах, корневища которых

кожу рвут,

набухая у меня на руках!

Вижу я тебя плешивого в девственных

зарослях одичавшей смородины и крыжовника,

похожего на монаха

из ордена францисканцев

с книгою Данте в руках.

И божественная нищета текла в тот час

Полог покоя ...

Вижу тебя, и вижу как дернулся рот твой

изумлением детским

перед любовью неслыханной
к прекраснейшей Беатриче!

О брат мой! Окружают создания меня,
о которых я думал, что образы их
утеряны мной.

Ночь. Загнанный свет лег на свет.

Дерево выплывает к луне,
Оно рассыпает бесценные тени.

Тускнеет твой облик монаха,
играющего на домре,

Плачу я.

Мерцают звезды в Господних садах.

Я увидел ребенка

Он шел потупя свой взор,

прижимая к груди влажную раковину

Вечер занялся с разных сторон

Стекла залил алый поток,

Крыши тлели и оплывали стропила.

"как странно ... закат. встреча.

ты собирался уехать ... Мой день?

Он ведь послушный зверек ...

голова склоняется к голове.

на тревожное любопытство

плоть нанизывает проворно слова

"как странно ... жив еще ...

полустертый закат, осыпается известь.

встречала тебя в иных совершенно

краях, но лицо!"

Кружись воронье!

Клубись серебряный дым

под крылом косноязычия!

Вижу на углу Марата и Кузнечного

ребенка задумчивого.

Он идет прижимая нежно к груди

мою голову,

Глаза мои широко раскрыты.

Лекции по истории зарубежного
театра.

тело у этой особы было весьма полным,
лицо ее было покрыто мукой,
а губы очерчены красным.

Она улыбалась и рот ее был растянут.

как прелестны создания обитавшие там,
продолжавшие голосом некое постоянство
лилового бархата, парчи, бумажных корон ...

вам приходят на ум монологи аллеи,
лица идущих засыпаны светом ...

как чудесны создания обитавшие там —
повторяю, листая голос за голосом.

век в котором поворот головы

был изящества полон и тайного смысла,

век, в котором поклон, слетающий в зал

был подобен звону разбившейся птицы,

о поклоны, вы катитесь по обочине

этой истории **давней** о кострах и любви,

и предательства,

о мудрости тайной и явной,

о том как прекрасен рисунок

невесомого яда

на смуглых запястьях ...

(вышеназванный Ингрэм нанес смертельную рану глубиною в два дюйма над правым глазом, от которой упомянутый Кристофер Морли тогда и тотчас скончался)

И мистерии ртов, очерченных красным
длятся из месяца в месяц,

Миракли безмолвия сопутствуют им —

корабли стремящие путь свой,
короли понуро склонившие головы,

геометрия наших движений,

изъеденные странным недугом
хрупкие страницы усилий.

СМЕРТЬ ДЕДА

А по вечерам он, окруженный внуками, сыновьями,
женами сыновей: полногрудными, слегка надменными
и красивыми,
пил охлажденное пиво и писал на медлительной
ленте воспоминаний нечто вроде любовного гимна.
привычные слова с обстоятельностью, которая
присуща людям, посвятившим жизнь цифрам и точности.

и дряблые веки прятали радость, уходящую за
бледные моря его глаз, между тем, как вечер
легко проникал в его память, на подмостках
которой неизвестная девушка изображала

деву Марию,

Но не деву уже, а жену, положившую руку на чело
бога, на его крепкий лоб,

ласкающую тело его, еще не
старое, но, разумеется, лишенное гибкости, что скорее
свойственно юности,

а вечер развешивал свои холсты -

трепетала зелень, переходя в сладко-лиловую мглу
смутных ландшафтов ...

Мария что-то шептала возлюбленному,

Живот ее округлился, соски стали темнее ...

- она зачала сына, - отметил голос бесстрастный.

- лоно ее обременено семенем божьим,

и уже было выкатилась на подмости коляска,
а вдали слышались стоны и крики,
уже на дороге возник юноша приятной наружности
со взором меланхоличным,
шагавший легко и размашисто -

Как вспомнил он о существовании птиц.

Ястреб, воспаривший над ясностью
восходивших потоков,
Орел, размах крыльев которого
измеряется мерой нам неизвестной,
Миг стрижа, вторженье ворон
в талое небо,

О птица! Затягиваемая неудержимо бездной земли,
Парящая птица!

(лист на воде, рыба, осень, лукавое небо)

О парящая птица, танцующая на острие одиночества
неужто и ты убежище находишь в огне!

(лист на воде, тень воды на песке, осень,
лукавое небо, смятение руки.)

Тут внезапно испустил он горестный вопль,
Рука прижатая к горлу - почудилось - оказалась
рукой желтого сумрака,
Смерть стала пред ним в облике юноши,
которого видел он шагавшим легко и размашисто,
когда вдали раздались крики и стоны,
Теперь он коляску катил, где младенец лежал,
впоследствии ставший великим поэтом,

И тогда из горла этого человека вновь вылился
стон,

и долго метался по улицам внуков, сыновей,

и их жен полногрудных, гордых и снисходительных,
в которых он узнавал своих жен, сестер,

покинувших его в незапамятные времена.

Замечание.

Дед Савва повесился в июле месяце, утром.

Хорошо помню, как сухой ветер носит тогда

над огородами волны белых мотыльков. Помню "солдатики"

с которыми я играл целый день возле трухлявого

пня - останков древней липы. Помню их красные

с траурным узором спины.

Перечитывая письмо я представляю какой-то дом,
твой, свой,

Возможно, мы приехали в гости, и хозяева потом
пропали бесследно в зарослях шиповника и

дикой розы.

И наши прогулки, наши следы,

Еще не свет покинул вершины, но миллионский

Аргус склонился над нами -

Ночь существующая рядом с днем в доме,

куда мы приехали.

При желании можно было унести мечтами

ленивыми в прошлое дома ...

Костистый рисунок мертвой груши, роса,

темный овал колодца -

Вот и все, друг мой, вот и все.

Кажется, и на этот раз мы сбежали от смерти.

Давай изучать историю.

Рассматривать лица молодых генералов

и простых солдат и думать: какие птицы
парили над полями сражений,

путаясь в складках знамен.

Давай взглядываться в туманные гравюры,

в очертания галионов,

водить пальцами по остаткам золота
на образах,

и тихо ненавидеть Томаса Торквемаду,

Или взглянем на рисунки поблекшие

старинного бестиария, на ветхих страницах

которого благословенна любая тварь,

или займемся химией, следуя неотступно

указаниям Трисмегиста.

Будем писать фантастические рассказы

о встречах с инопланетными цивилизациями,

и думать, что мы потомки

пульсирующих пространств.

На худой конец давай пить, курить,

искать клад,

на худой конец давай ляжем в постель,

и только не думать о завтра!

Ведь и так все известно.

Лучше прилежно изучать историю стран,

народов и лиц,

за тонкой перегородкой которых

ревет ураган нашей памяти.

На пути в Вифлеем

Я приехал сюда,

Я остался.

Я оставил все то, о чем опять
довелось мне встретиться тут

янтарным потоком мы льемся
из тонкостенных сосудов
бесчисленных лет

и вот пальцы твои
постукивают по доньшку дня

я ныряю в окно,
оставляю одежду —
там она не нужна будет мне.

Я уехал отсюда.
У порога осел,
на стене короны трех королей

солнце западающее в небе
как клавиша в расколоте

фортепьяно.

А голова моя так проста!

и пуста моя голова в понедельник,

и в субботу и в пятницу ...

Голова моя падает, осыпается,

Голова моя -

пруд неподвижный,

где плывут остывшая тихие рыбы,

унося куда-то к затылку

ржавый свет моей боли,

Голова моя - череп ворона,

сухость придорожной травы,

будто век вспоротый ожиданием.

Голова моя, Господи!

Смоленск, июнь

Небо плывет,
Воздух неслышен,
Жарки ступени,
    круглые камни,
стены.

День тихоокий
стоит над собором.

Лапинскому И.

Как тягостно и нестерпимо больно
думать весной о зиме,
уподобляя (подобно поэтам былого)
лепестки на молодой траве
первому снегу.
Ты помнишь как он умирает на мокрых
улицах,
Как медленней от минуты к минуте
проносят в воздухе белые крылья
мельницы,
напоминая чем-то
бредущих к югу
на страшной высоте
задумчивых серафимов?

Перечитывая Аполлодора

Исмар убил Гиппомедонта,
Леад Этеокла,
Амфидик Партенопя,
но, как сообщает Эврипид,
Партенопя убил вовсе не он,
а сын Посейдона — некто
Переклимен.

Амфатрий же отрубил
Мелланицу голову и отдал
последнюю Тицию.

Тот раскрыл ее и выпил
весь мозг
(и это в такую жару!)

Остается воскликнуть —

Воистину это время было временем
настоящих героев!

Менуэт

если ты заплачешь -

У тебя станет больше морщин
ведь этой весной мы отвыкли от солнца
да?

не надо плакать
как не надо плакать!
потечет тушь и обожжет веки
глаза погаснут
не надо
да?

возьми сигарету
поднеси огонь к сигарете
вдохни дым
все будет прекрасно
в скверах появится трава
на дереве в конце улицы
у поворота
распустятся листья
и красота вернется к нам неприметно
так же как и оставила нас
и оживут наши надежды
и ты отрешь слезы
и будешь смотреть
как летят облака
и постепенно

Глядя на то как несутся они
вспоминать будешь птиц,
которые покинули нас
и санитар
почувяв неладное
принесет тебе огромную деревянную птицу,
она будет пестро раскрашена птица эта
будет орать эта хитроумная птица
и колотить деревянными крыльями
а из твоей шеи
потечет струйка крови

и я наклонюсь и поцелую тебя

СОРАЗМЕРНОСТЬ

ЛОГИКА

желтого цвета

Гомер паруса

ШТИЛЬ

мандельштам

М Л Л М

мертвые

СТРЕЛА СЛОМЛЕННАЯ У ОПЕРЕНИЯ

НОЧЬ

предверие сна.

спой мне птица
тихо только спой
совсем совсем тихо
или лучше вовсе не пой ...
смотри как стекается к нам
с разных сторон мокрое серебро

ХОЛИМОВ

Я за столом в своем доме.
том, старом, которого нет.
Плывут, колышутся подводные травы
и пальцы воды нжут кружева песков.
Это давно ...

Отец
(смотри внимательно мать,
ты просила, чтобы он вернулся к тебе!
вот он - крупный лысый мужчина,
склонивший голову, нежно скрывший
в руке горсть лепестков.

На лице пот, дыхание со свистом
вырывается из груди ...)
отец рвет цветы и дарит их
матери, мать сгибается под тяжестью
нарциссов, ирисов, роз и пионов,
Отец рвет цветы,
по стеблю ползет тяжкая капля
сока ...

Ветка вишни видна в раскрытом окне,
видна еще старуха устроившаяся
на солнцепеке,
ее мешок, набитый хлебными крошками,
Виден забор, воробьи ...

Глубокая прохлада комнат,
Щемлящая отрада моя.

Деревья спят.

Свет сонно пульсирует

в торопливом сплетении ветвей.

Недосягаемый месяц ...

Свет упал его белизной,

точно свет ниспосланный богом.

Прикладываю ладони к лицу и

вспоминаю, что лед протянул

свои прекрасные руки к воде,

где остановлено движение рыб.

Что снег на плечи валится тихо,

Студеным стеклом стянуло

последний лист.

Вода еще черней под мостами,

Буксиров последних протяжный зов.